ВОЛЖСКОЕ СЛОВО

№ 139 СРЕДА 2-го—(15-го) іюля 1914 г. Адресъ редакціи: Самара, Дворянская ул., собствен. домъ, № 132. Телефонъ № 30. № 2017 й.

Памяти А. П. Чехова.

Пять звуковъ... Каждый изъ нихъ, отдѣльно взятый, ничего не говоритъ ни уму ни сердцу; тривіаленъ. Но попробуйте слить ихъ въ одно единое цѣлое, въ небольшое слово „Чеховъ", потомъ произнесите его, хотя бы про себя. И ваше психическое „я" встрепенется. И въ сознаніи вашемъ промелькнутъ: и унтеръ Пришибеевъ, задѣвшій цѣль своей жизни въ постоянномъ и неуклонномъ наведеніи порядка въ предѣлахъ ввѣреннаго ему района, и Бѣликовъ—„человѣкъ въ футлярѣ", и нытикъ Ивановъ, и полковникъ Вершининъ... Ибо богатую коллекцію типовъ собралъ и оставилъ намъ Чеховъ. И все это—„герои" 80-хъ и начала 90-хъ годовъ.

Грустью и уныніемъ вѣетъ отъ Россіи того времени. Нависли тогда надъ страной, по волѣ бюрократическаго Олимпа, грозныя тучи реакціи. А снизу, съ земли имъ навстрѣчу шли удушливые газы и туманъ реакціи общественной. Обывателя утомили и запутали бурныя событія, взбороздившія, точно глубокими и яркими молніями, отечественный небосклонъ въ періодъ 70-хъ годовъ, и онъ съ радостью привѣтствовалъ установленіе твердаго курса во внутренней политикѣ, сулившаго ему покой и возможность отдаться кованію личнаго счастьица. Народъ, на котораго возлагала столь большія надежды, и еще такъ недавно, интеллигенція, продолжалъ коснѣть въ невѣжествѣ и вести упорную борьбу за болѣе чѣмъ сѣренькое и убогое существованіе. А интеллигенція, соль земли русской... Обезсиленная и столь недавно обезкровленная, растерявшая идеалы и вѣру въ свою, якобы абсолютную мощь, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ на сѣрячка—хлѣбороба,—являла собою зрѣлище поистинѣ печальное. Отъ прежней дружной интеллигентской семьи, спаянной, можно сказать, въ единое идейное цѣлое, осталось одно только воспоминаніе. Враждебныя стихіи разорвали эту живую цѣпь на рядъ отдѣльныхъ звеньевъ. И разсыпались они—Ивановы, „нелюбовные"—по огромному пространству Руси-матушки. Каждый изъ нихъ остался въ полномъ одиночествѣ, наединѣ съ однимъ только собой.

И увидѣлъ нашъ интеллигентъ, что теперь его окружаютъ такіе люди, о которыхъ раньше имѣлъ онъ лишь смутное представленіе. Увлеченный большими задачами, сосредоточившій вниманіе, помыслы, можно сказать, исключительно на многомилліонномъ крестьянствѣ, проглядѣлъ онъ нарожденіе того городского обывателя-мѣщанина, маленькаго человѣчка съ крохотными запросами и желаньицами, который помогъ реакціи укрѣпить свои позиціи въ началѣ 80-хъ годовъ.

Мѣщанинъ всегда и во всемъ исходитъ изъ интересовъ своего личнаго и семейнаго „я", на весь міръ смотритъ съ высоты колокольни своего миніатюрнаго прихода. Отъ него такъ и разитъ самодовольствомъ, бездушнымъ эгоизмомъ, ограниченностью...

Въ одну психологическую категорію объединяетъ мѣщанъ совокупность тѣхъ психологическихъ особенностей, которая обозначается именемъ: пошлость. Вотъ то поистинѣ прекрасное, оружіе, которое выработала трактуемая среда въ процессѣ борьбы за утвержденіе и сохраненіе своихъ позицій, какъ опредѣленной соціальной категоріи. Вся идеологія, т. е. всѣ воззрѣнія, навыки, вкусы мѣщанъ насквозь пропитаны ядомъ пошлости. Кто отдалъ себя во власть этой силы, тотъ навсегда застрахованъ и отъ высшихъ запросовъ духа и отъ контроля совѣсти надъ поступками и отъ власти лучшихъ общественныхъ инстинктовъ, таящихся въ глубинѣ души каждаго человѣка.

Эта обывательская среда нашла своего бытописателя въ лицѣ болѣе чѣмъ талантливаго А. Чехова. Онъ—первый изъ крупныхъ русскихъ писателей-художниковъ, который взялъ въ герои для своихъ произведеній обыкновеннаго маленькаго и сѣраго обывателя. Его радости и страданія, навыки, вкусы и чаянія—со всѣмъ этимъ познакомилъ насъ покойный Чеховъ.

А въ другихъ произведеніяхъ, особенно въ своихъ пьесахъ, онъ уже далъ намъ картину психологической жизни того интеллигента, который по волѣ судебъ попалъ въ обывательское болото и почувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ.

Чеховъ всю жизнь грустилъ о томъ, что не написалъ большого романа.

Но врядъ ли онъ могъ бы дать интересную работу такого типа, если бы даже посвятилъ достаточно времени. Тургеневъ, Гончаровъ и др., оставившіе намъ произведенія крупнаго калибра, имѣли дѣло съ бытомъ вполнѣ, такъ сказать, установившимся и опредѣлившимся, имѣющимъ исторію большую, сложную и интересную. Чехову пришлось столкнуться съ такой массой (мѣщане), у которой лишь формировались бытовыя и психологическія особенности. Онъ наблюдалъ отдѣльные моменты жизни „новаго" человѣчка и добросовѣстно отмѣчалъ ихъ.

Въ разсказахъ Чехова вы не найдете біографій „героевъ", тщательнаго психологическаго анализа ихъ поступковъ, душевныхъ движеній. Онъ останавливаетъ вниманіе на характерныхъ особенностяхъ интересующаго его типа, когда эти черты особенно рельефно проявляются въ какой либо опредѣленный моментъ, а затѣмъ о результатахъ своего эксперимента надъ человѣкомъ сообщаетъ читателямъ при помощи небольшой художественной новеллы.

Началъ Чеховъ съ сотрудничества въ юмористическихъ изданіяхъ и первоначально онъ давалъ читателю исключительно матеріалъ юмористическаго характера, каковой окружающая жизнь, конечно, въ изобиліи могла предложить писателю. Но приглядѣвшись къ окружающей жизни, онъ началъ постепенно открывать за внѣшнимъ комизмомъ явленій иное ихъ содержаніе. Сталъ Чеховъ серьезнѣе. И если мы дадимъ себѣ трудъ внимательно прослѣдить дѣятельность писателя до его смерти, то увидимъ, какъ постепенно мѣняется его отношеніе къ окружающему міру.

Чеховъ не былъ, какъ иные полагаютъ, безпринципнымъ и безыдейнымъ бытописателемъ. Изъ-за отдѣльныхъ деревьевъ тѣхъ явленій, которыя нашли себѣ талантливое отображеніе въ его произведеніяхъ, всякій зрячій безъ труда можетъ замѣтить тотъ лѣсъ пошлости, который окрашиваетъ весь бытъ мѣщанства въ сѣрый, грязный цвѣтъ.

Но Чеховъ не негодуетъ на обывателя. Онъ не видитъ въ его дѣяніяхъ проявленія плохой воли. Чеховъ трактуетъ явленія, какъ слѣдствіе объективныхъ силъ и условій, главенствующихъ надъ человѣкомъ. Онъ и реагируетъ на недуги времени.

Какъ представитель той же интеллигенціи, бродившей по полю русской жизни безъ руля и вѣтрилъ, онъ нашелъ выходъ лишь въ грусти и печали, которыми обвѣяны всѣ его произведенія. И только подъ конецъ своей литературной дѣятельности, когда начала чувствоваться пробуждавшаяся народная стихія, выдѣлившая изъ себя новое четвертое сословіе, Чеховъ понялъ, что выходъ въ трудѣ (Трофимовъ — „Вишневый Садъ"). Живи Чеховъ дольше, познакомься онъ ближе съ тѣми силами, которыя заняли авансцену русской жизни въ ближайшее время послѣ его смерти, онъ дошелъ бы до болѣе опредѣленныхъ выводовъ.

Теперь нѣсколько словъ о пьесахъ, спеціально посвященныхъ русской интеллигенціи. Характеристика послѣдней, по необходимости краткая, дана уже выше.

Позволю лишь отмѣтить то, что восьмидесятники-интеллигенты съ трудомъ шли на примиреніе съ окружающей дѣйствительностью, измѣнить которую не чувствовали себя въ силахъ. Отсюда нытье, грусть, безсильная злоба, подчасъ безуміе (Андрей Ефимовичъ изъ „Палаты № 6"). Чеховъ и явился идеологомъ этой группы. Вмѣстѣ съ ней онъ страдалъ, вмѣстѣ съ ней тосковалъ по „общей идеѣ", т. е. по смыслу жизни („Старая исторія"), вмѣстѣ съ ней пришелъ и къ признанію необходимости взяться за работу для народа. За какую? Точку надъ „i" не дала Чехову поставить безжалостная смерть.

Отъ частаго хмура Чеховъ перешелъ къ печали и тихой грусти, а затѣмъ къ вѣрѣ въ лучшее будущее, предчувствіемъ котораго живутъ многіе изъ его героевъ послѣднихъ произведеній.

Эту вѣру постараемся въ себѣ сохранить и укрѣпить.

С. М. Меерсонъ.